

Почти двадцать лет назад ученик десятого класса Болот Шамшиев пришел к молодому писателю Чингизу Айтматову со своим «режиссерским сценарием» по его повести «Лицом к лицу». Он хотел как можно быстрее узнать мнение о своем сценарии, написанном от руки в школьной тетрадке. Чингиз Торекулович сразу же стал читать, при авторе. Прочитав, он сказал, что сам не очень-то хорошо разбирается в киносценариях, но то, что сделал Болот, кажется ему любопытным.

— У Чингиза Торекуловича особый дар вселять веру, — говорит Шамшиев. — Он, конечно, понимал, что мой «опус» никогда, нигде, никем не будет поставлен. А вот его дружеская заинтересованность, тактичность решили мою судьбу — у меня появилась смелость на то, чтобы подать заявление во ВГИК...

Творчество Болотбека Шамшиева, народного артиста Киргизской ССР, тесно связано с творчеством таких писателей, как Чингиз Айтматов, Мухтар Ауэзов. В кино, будучи еще студентом ВГИКа, Шамшиев дебютировал как артист.

Кемель в повести «Верблюжий глаз» Чингиза Айтматова мне, например, представляется только таким, каким сыграл его Шамшиев в фильме «Зной» по мотивам этого произведения, удостоенном первой премии на кинофестивале республик Средней Азии и Казахстана в Ташкенте; Шамшиев получил тогда премию за лучший актерский дебют.

Через несколько лет дебютировал в игровом кинематографе режиссер Шамшиев. Его фильм «Выстрел на перевале Караш» завоевал приз «Горный орел» на смотре-соревновании кинематографистов Средней Азии и Казахстана в Алма-Ате.

По многим экранам мира прошел фильм Шамшиева «Белый пароход» по одноименной повести Чингиза Айтматова. Этот фильм, как известно, отмечен Большим призом Всесоюзного кинофестиваля. Недавно закончена новая кинолента — «Ранние журавли» по одноименной повести Айтматова.

Так что беседа с Болотбеком Толеновичем на традиционную тему «Книга в вашей жизни и творчестве» представляла для нас особый интерес.

— Мой отец — поэт. Но в пору моего детства в доме не было библиотеки. На отцовской полке стояло несколько книг киргизских писателей. И только одна на русском языке. Вернее, две. Двухтомник Пушкина, как я сейчас понимаю, отличный изданный. С рисунками Пушкина. Я взял в руки этот двухтомник, когда еще не умел читать. Получилось так, что Пушкина я сначала увидел, а потом уж услышал.

Когда я услышал стихи Пушкина, зрительный ряд ушел на десятый план. Сначала отец читал мне вслух пушкинские сказки. А потом я сам — все подряд, нетерпеливо, не дожидаясь, пока вырасту, поумнею. Пушкинские стихи завораживали меня своей мелодичностью, непонятностью. Позже — поэтической образностью, бездонной глубиной...

В связи с режиссерскими работами Б. Шамшиева не раз говорили о его способности поэтического воспроизведения мира. Может быть, ниточка тянется именно от двухтомника Пушкина?

— Да, несомненно, — говорит он. — Мое видение мира начало формироваться под влиянием поэзии. И еще — под влиянием манасчи. У моего отца были друзья манасчи. Я их часто слушал...

До Великой Октябрьской революции у киргизского народа не было своей письменности. Творческая душа народа ярко выражалась в фольклоре. Из века в век, из поколения в поколение народные сказания хранили, пересказывали манасчи.

— Только очень одаренный человек мог стать манасчи, — поясняет Шамшиев. — Искусство манасчи иногда называют театром одного актера. Это так. Манасчи всегда был искусным лицедеем, умеющим овладеть вниманием зрителей. Он актер и режиссер. И не только. Манасчи — ходячая книга. Каждый манасчи — автор самостоятельной книги. Он не просто пересказывает сюжеты эпоса — он их по-своему интерпретирует. Сочиняет свои варианты. Как и писатель, манасчи избирает какой-то определенный жанр, свою тему. Например, был у нас известный манасчи-фантас Сагымбай. Главная тема манасчи Саякбая Караева — историко-героическая. Саякбай был участником гражданской войны, стал одним из первых народных артистов Киргизии.

Должно быть, многие видели фильм о Саякбае — «Манасчи». Он принес Шамшиеву премию Международного фестиваля в Оберхаузене.

— Сразу после «Манасчи» я снял документальный фильм «Чабан», — напоминает Болот Толенович. — Чабан Рахматаалы Сартбаев, человек трудной земной профессии, прожил свою жизнь по самым высоким моральным нормам. Он обогатил меня своим ясным поэтическим видением мира. И, как мне кажется, помог лучше понять бескомпромиссного героя повести Мухтара Ауэзова «Выстрел на перевале Караш».

— Почему вы сделали свой самый первый художественный фильм по повести Ауэзова?

— Эпосею Ауэзова «Путь Абая» я читаю одной из выдающихся книг нашего времени. Это энциклопедия большого исторического периода в жизни казахского народа, энциклопедия национального характера. Достойная экранизация этой книги — дело будущего. Великий роман ждет великого режиссера. Для меня большой творческой радостью была работа и над ранним рассказом Ауэзова. Я постоянно заглядывал в энциклопедию — в роман «Путь Абая», заряжаясь новыми художественными открытиями, вдохновением.

Мне вспомнилось, что при анализе фильма Шамшиева «Выстрел на перевале Караш» находили параллели с «Манасом». В характере главного героя Бахтыгула, потомка сильных и свободных людей, явно прочерчены наследственные черты героев народного эпоса.

— Фольклор входит в первооснову каждой национальной культуры, — говорит Шамшиев. — Мухтар Омарханович, создавая образ Бахтыгула, опирался в какой-то мере на поэтику народных притч и легенд. Про себя я уже говорил: «Манас» у меня в крови. Это, несомненно, оказывает влияние на все мои фильмы. И чем дольше я живу, чем больше думаю, тем отчетливее понимаю: фольклор всегда современен. Он отбирает и сохраняет только самое важное и неизменно волнующее человека. В эпосе остаются вечные свидетельства о характере народа, о его нравственных представлениях. Повесть Чингиза Айтматова «Белый пароход» поразила меня органичной связью сегодняшней реальности и легенды. В этой повести я нашел живой и страстный отклик на большинство тех проблем, которые нас сегодня волнуют. Предательство веры, расстрелянная мечта, гибель мальчика. Драма на лесном кордоне захватывает масштабом мыслей и страстей. В этой повести Айтматова яростный внутренний протест против насилия, лжи, зла. В повести «Белый пароход» есть высокий нравственный пафос. Я всеми силами старался сохранить его в фильме. Но повесть, конечно, несет более цельный и сильный эмоционально-нравственный заряд. Адекватной замены книге нет и не будет. И не надо, как я полагаю.

Я задаю вопрос: «Не сокращает ли экранизация книги число читателей?» Шамшиев отвечает быстро и горячо: — Нет! Например, когда вышел на экран «Белый пароход», у нас в Киргизии стало невозможно достать эту повесть. Не только в магазинах — в библиотеках, в читальных залах. И все-таки много еще людей не чита-

ющих, не нуждающихся в чтении книги. На это нельзя закрывать глаза. Это острая проблема нравственного воспитания. Без чтения нельзя стать культурным человеком.

— Уточните, пожалуйста, — попросила я, — какие жизненные наблюдения вызывают у вас тревогу?

— Вышло так, что два фильма подряд я снимал о детях: «Белый пароход» и «Ранние журавли». За эти годы у меня было много встреч со школьниками на зрительских конференциях. Более близкие — на кинопробах. Наконец, в работе на съемочных площадках. Сгорячю я убедился, что школьники мало и плохо читают художественную литературу. Не умеют высказать о книге свое мнение, потому что такового не имеют.

Я тут прослеживаю такую порочную цепочку: нам, нынешним папам и мамам, всегда некогда; у нас всегда не хватает времени. Мы успеваем своих детей приласкать, пожурить. Но далеко не всегда успеваем почитать им вслух книгу, тем более выработать у них привычку слушать и, что не менее важно, делиться своими впечатлениями о книге: восторгом, болью, вопросом.

Я не сделаю открытия, если скажу, что в школе зачастую литературу преподают недостаточно увлекательно. Недостаточно интересно. Иногда в школе прививают не любовь к художественной литературе, а отвращение: скорее бы «пройти», «перешагнуть»...

— Что, на ваш взгляд, следует предпринять?

— Разрешите пофантазировать? На филологические факультеты университетов, пединститутов принимаю по особому конкурсу. Поступающий должен обладать способностями. Приближительно такими, как манасчи. Литераторов вуз выпускает «штучно». Пускай на уроках литературы в классе будет не сорок, а сто человек. Пускай! В тесноте, да не в обиде. Но только пусть преподаватель литературы рассказывает, скажем, о «Войне и мире» Толстого так, чтобы все сто человек после урока неслись бегом домой, в библиотеку с одним желанием: читать Толстого!.. Очень фантастично?

— Пожалуй. А если ближе к нашим сегодняшним возможностям, практичнее?

— Мне кажется, что далеко не все средства для пропаганды художественной литературы использует телевидение. Совсем не обязательно экранизировать каждое литературное произведение. Надо широко использовать самую простую возможность — просто читать. И классику, и современные произведения

литературы, поэзии. Может быть, отдельные главы, чтобы заинтересовать, увлечь... Я бы порекомендовал, например, читать главы из «Войны и мира». В сегодняшней мировой литературе, в кино много придуманного, фальшивого, искусственного. Толстой, я убежден, необходим каждому, чтобы помнить про истинное.

Признаюсь, первый раз я прочитал «Войну и мир», уже будучи студентом ВГИКа. С тех пор «Война и мир» моя настольная книга. Одна из главных книг в моей жизни. У Толстого я ищу и нахожу духовную опору в трудные дни и радостные. Толстой мне необходим... — Болот Толенович улыбнулся, — и в личной, и в общественной жизни. Кстати сказать, от того, что «Войну и мир» дважды экранизировали, роман не стал для меня менее необходимым... Толстой сказал, что суть искусства — объединение людей. В этом суть книги, суть кино. Это главный принцип реалистического искусства в противовес модернизму, проповедующему отчуждение.

— А над чем вы сейчас работаете? Собираетесь ли опять что-нибудь экранизировать?

— Собираюсь, — отвечает Шамшиев. — Дух захватывает от того, что я собираюсь экранизировать «Манас». Задуманы три серии по сюжетам «Манаса».

— От детской темы — к «Манасу»?

— Это же естественно, — говорит Болот Толенович. — Помните строки из «Белого парохода»? «...детская совесть как зародыш в зерне, без зародыша зерно не прорастает». Эпос — детство человечества. Из «Манаса» произросли киргизские проза и поэзия. Меня интересуют историческая родословная идей, их общечеловеческая сущность, преломление на новом витке истории. Сейчас у нас в Киргизии выходит новое издание «Манаса» под редакцией Чингиза Айтматова. Вариант знаменитого манасчи Сагымбая Орозбакова, записанный в 1924 году. Вышел первый том. Готовятся еще два. Хочу верить, что мой будущий фильм станет пропагандистом «Манаса» — этого нерукотворного памятника киргизского народа, глубоко поэтического, утверждающего светлые идеалы.

В рабочем кабинете Болота Толеновича большая библиотека. На полке возле письменного стола — только руку протяни — «Война и мир» Толстого: «Чтобы напомнить про истинное...»

Беседу вела
В. МАРИЧЕВА,
наш соб. корр.